

Вера Зубарева

Образ учителя

Вместо предисловия

Степан Петрович Ильёв (1937-1994) – мой учитель, любимец студентов Одесского университета, блистательный ученый, занимавшийся русскими символистами, навсегда остался для меня воплощением этих двух вещей – мира образа и образа мира. Он ушел из жизни рано, оставив одну книгу и статьи, которые мне не довелось прочитать. Папки с его статьями загадочно исчезли из его квартиры после его смерти. Он писал мне о них в одном из писем в ответ на мою просьбу собрать статьи и прислать их копии.

«6-4-19

Может быть, скомпоновать книжку из статей о символизме, опубликованных (и похороненных) в разных сборниках, зачастую недоступных и нашим литературоведам и неопубликованных. Заметок и материалов по «12» у меня шесть папок! Это уже – posthumous, если сохранится. Если пожелаете, в следующем (третьем по счету) составлю перечень статей».

Увы, третьего по счету письма не последовало. Были телефонные переговоры – я звонила соседям Степана Петровича, они звали его, и я слушала такой любимый незабываемый голос, постепенно утяжеляющийся одышкой и с каждым разом все более приглушенный... А в памяти оживало каждое его слово, шутка, жест, мысль – от студенческой поры до момента, когда мы покинули страну.

Его искрометность мгновенно преображала хмурое академическое пространство вокруг него. Казалось, стены коридора чуть раздвигались, когда он стремительно проносился на лекцию, захватывая в свой энергетический вихрь студентов, едва поспевающих за ним. Он переворачивал все – от научного подхода до мировоззрения, и студенты ходили к нему непрекращаемым потоком. Он был центром притяжения и оттал-

кивания, в зависимости от того, к какому полюсу тяготел человек. Эпитет «блистательный» настолько определяет его, словно для него и был придуман. Его стремительность, необычный образ мышления, смелость научная и человеческая и энергетика, излучаемая всем его существом, произрастали из этой блистательности.

Я была его ученицей, отстаивающей его убеждения на студенческих конференциях, разбивая в пух и прах скептицизм некоторых профессоров, что было передано Ильеву, и он очень веселился, одобряя мою смелость и аргументы, при помощи которых я опровергала его голословных оппонентов.

Мир образа открылся для меня во всей его многогранной бездонности именно на его лекциях, прослушав которые, я уже ни за что не хотела работать над докторской с другим преподавателем. И он согласился быть моим руководителем дипломной по Чехову, несмотря на то, что Чехов не был его темой. С него, собственно, и начался мой Чехов, с тех вопросов, которые он поставил и которые послужили отправной точкой ко всем последующим размышлениям.

Что же касается образа мира, который он привнес вслед за своими неортодоксальными изысканиями в области поэтики, то он органично вплелся в его свободолобивую методику подхода к тексту. В письме от 24 октября 1993 года он, сокрушаясь, писал:

«По-прежнему мы живем, под собою не чуя земли, и нет исхода, и не будет его до той поры, пока мы не раздавим эту чумную гадину коммунизм, а у нас духом коммунизма пропитано сознание масс. И по-прежнему коммунисты правят бал, превратив демократию в карикатуру и фарс. Исхода нет!..»

Лекции Степана Петровича повлияли и на мое поэтическое творчество. Нужно сказать, что он ревниво относился к моим поэтическим писаниям, опасаясь, что я брошу литературоведение. А после моего визита к Ахмадулиной и ее письма он и вовсе расстроился, и у нас даже состоялся разговор, когда он чуть ли не отказывался работать со мной в будущем над диссертацией, поскольку посчитал, что я сделала выбор. Я как могла пыталась убедить его, что бросать литературоведение не собираюсь и что в равной степени предана этим двух областям. Он не поверил, но работать со мной согласился.

Ему была посвящена моя поэма «Старинный друг», написанная под влиянием его трактовки символистов и сна, в котором мне было сказано,

что его земное время ограничено. Я так разволновалась, что стала просить его провериться у врача, на что он, тогда еще совершенно здоровый и бодрый, только рассмеялся.

Вся моя литературная жизнь того времени была окрашена его харизмой и его трактовками, приоткрывающими завесу Тайны, уводящей в бесконечность. Мы были друзьями. Он любил мою семью и работал с Вадимом над проектом по вычислению золотого сечения в поэме Блока «12». Впоследствии, уже в Филадельфии, я сделала собственную интерпретацию этой поэмы и поделилась с ним, на что он немедленно откликнулся следующим письмом:

«Одесса,
24-9-93

Милая Верочка,

Вчера вечером я получил Ваши книги, письмо и Ваши заметки к поэме «12». А также абстракт Вашей книги. Спасибо за внимание и память! Я рад и счастлив, что Вы из Вашего прекрасного далека подали голос приветом. (...)

Чтобы не обременять Вашу знакомую, я передаю Вам только мою книжку о символистском романе, она бóльшая часть моей диссертации, и в ней весь я как профессионал-филолог. По чужой и по нашей вине она сработана топорно и с рядом существенных изъянов. Но поздно.

Английские тексты я читаю, так что статью Вашу о 12-ти пришлите, когда она выйдет. Замысел нов и оригинален. Но суть и спорные положения. Пишите осмотрительно».

Так возобновилась наша связь. В этом же письме наряду с сообщением о статье по Блоку я написала ему, что выходит в свет моя книга по мифопоэтике Чехова с посвящением ему, и попросила сделать комментарии по идеям книги, которые я пояснила в письме. На это он ответил мне следующими строками:

«К тому времени, когда Ваша книга выйдет, она, возможно, будет посвящена не мне, а «памяти имярек». По некоторым признакам я догадываюсь, что Вы знаете, почему я пишу так. Увы, комментарии не успевают, да и нужны ли они? Только собьют.

Книги стихов пролистал, на досуге вчитаюсь. Поздравляю Вас со многими успехами на поприщах служебном, научном и художественном. Ожидаю от Вас многого и горжусь Вами.

Если можете, подарите мне Ваш перевод и статью о «Слове о полку Игореве»

Нет, я ничего не знала о его болезни. Для меня это было шоком.

Потом начался поиск врачей, сбор средств на лечение. Я обратилась к американским коллегам, знавшим его, среди них был и Герман Ермолаев, и мы собрали какую-то сумму, чтобы он сумел поехать на новое лечение в Санкт-Петербург. Он был бесконечно тронут, но поехать не смог – слишком быстро все развивалось, и перелета он бы не выдержал, равно как и лечения.

«31 октября 1993

Временно потерял «рабочую форму», и вот почему продолжаю сегодня.

Да, да, как же это я запомнил, что звал Вас Надеждой Акимовичей?! Ну вот, Вы оправдали наши надежды плюс этимология отчества в данной форме.

Вашей семье – сердечные приветы. От души желаю Вам и Вашей семье благополучия и успехов, в чем не сомневаюсь.

(...) я все чаще «выхожу из строя». В эти дни исследуюсь под наблюдением и руководством профессора. Установлены увеличение печени на 10 см и признаки болезни Боткина как следствие. Духом я не упал, хотя и не питаю иллюзий. О чем жалеть? Ведь каждый в мире странник!..»

Как доказательство того, что дух его был не сломлен, – страница с перечнем статей, которые он бы хотел прочитать. Я немедленно сделала их копии и отправила ему к его радости и восторгу.

«Держаться и писать» обещаю, а если очень надолго замолчу, значит, «все кончено». Будем надеяться на лучшее и готовиться к худшему. О боги, яду мне, яду!

Обнимаю Вас дружески.

Любящий Вас неизменно

Ваш

Ст. Ильев.

Пр. Сейчас зашла ко мне соседка, я показал ей Ваши стихи, она пришла в восторг, попросила книги, но я тоже еще читаю их. Приступаю к чтению Вашего исследования «Слова...» и перевода, предвкушаю удовольствие и тяну...»

И тогда он прислал мне свою докторскую диссертацию, по которой

была издана его первая и единственная книга. В сопроводительном письме он писал:

«Одесса, 6-4-94

Милая Верочка,

В последнее время я так плоховат, что не мог отвечать на письма, и на Ваше. Если оклемаюсь, напишу полнометражный ответ, а сейчас пользуюсь оказией. Я посылаю экземпляр моей диссертации, плюс приложения... Я прошу использовать текст моей диссертации, заменив только титульный лист и введение из книжки.

Книжку статей подготовлю, если выживу. (...) Поклоны и привет Вашей семье.

Успехов и удач Вам.

Ваш

Ст. Ильев»

Он умер во время моей защиты докторской, проходившей в Пенсильванском университете. В тот же день. Мне сообщили об этом на несколько дней позже, чтобы не сорвать защиту...

Старинный друг

Поэма о встречах

Ст. Ильеву

А там, на улице Неглинной,
Живет приятель мой старинный.
Я говорю ему: – Мой друг,
Как видите, свершился круг,
И в руки из моих вы рук
Привет примите длинный.

Берет он руку в две свои,
И мы, как век назад, – свои.
На улице так плохо,
Как может быть лишь в этот раз,
Который сводит вместе нас
Один лишь раз в эпоху.

Старинный друг, не старше вы,
И несколько моложе
Мне показались ваши львы
Из мрамора в прихожей.
Я жду ответный комплимент.
Я, как всегда, в убранстве лент
И хороша, похоже.

Таков обычай наших встреч,
И неизменна эта речь,
Служившая прологом
К зажжению гадальных свеч
И к ливню за порогом.

Ну вот, погода так плоха,
Что не бывает хуже.
Я говорю: – Моя сноха
Со мною вечно вчуже.
– Вы замужем?
– Отнюдь, отнюдь!
Но будет же когда-нибудь
Сноха при добром муже!

– А что родные говорят?
– Отец мой рад, пожалуй.
Он к нам пришел на маскарад
В какой-то маске шалой.
– А мать?
– А мама пролила
Немало слез напрасных,
Но и она на бал пришла
В одеждах распрекрасных.

– А сколько родилось детей?
– Я, право, не считала.
Они шалили меж гостей,
Не омрачая бала.

И я замечу, друг мой, вам,
Что дети были чутки,
И что проказы, шум и гам,
И эти злые шутки
Шли вовсе не от них, как вы
Подумали неверно.
Открою вам секрет – увы,
Так гадко и прескверно
Вели себя – нет, не друзья! –
Непрошенные гости,
С которыми не зналась я,
Мой друг, ни до, ни после.

Они кружили тут и там,
Кивали панибратски
И разносили по углам
Чудовищные сказки.
– А как жених?
– О, был он тих.
И только с рифмой этой
Его я в свой врисую стих
И с тем – пуцу по свету.
Да что жених!
Беды в нем нет.
Но можете представить,
Напала я на чей-то след,
На чью-то злую память.
Она показывала мне
Черновики в помарках
И предлагала сжечь в огне
В обмен на сто подарков.
Вы понимаете, на что
Она мне намекала,
Когда число шептала «сто»,
Выталкивая с бала?
Она просила ровно сто,
День в день

И вечер в вечер,
Сто наших с вами лет за то.
Сто лет с последней встречи!

– Вы были правы, дав отказ.

– Я отказала. Сей же час
Гостей незваных стая,
Схватив мои черновики,
Их на ходу листая,
Подняла злую суету.
Помчалась в зал, где маски,
И предавала на лету
Всю рукопись огласке.

– А как же праздник?

– До сих пор
Он длится, как и должно.
Все посчитали вздором вздор
И ложным все, что ложно.

– Вы путано, как на беду,
Сегодня говорите.

– Да я к тому вас, друг, веду –
Была луна в зените,
И был лунатик каждый рад
Попасть на свадьбу-маскарад,
Избегнув перипетий
С карнизам.

– Ах, ну тогда
Совсем другое дело!

– К тому ж, добавьте провода
К карнизам.

– Это смело.

Да, поступили вы умно.
А как же свадьба?

– Нет давно.
– Примите сожаленья...
– Не стоит, право. Все равно
Веселье – в продолженье.
– А как же мать?
– Она больна
Была минут пятнадцать.
Теперь дозволено сполна
Всей правотой бряцать ей
Провидческих и горьких слез.
– А как отец?
– Смеясь, унес
Свою шальную маску.
Но корни пепельных волос
Сменили вдруг окраску.

Вот все. Теперь настал черед
Гаданьям ритуальным.

– Взгляните, друг мой, что-то ждет
В том будущем недалнем
Обоих нас?
– Сто быстрых лет,
Сумбурная эпоха,
Затем погода – хуже нет –
И облегченье вздоха.

Я так и думала. Ну что ж,
Теперь пора в дорогу.
Спасибо, вечер был хорош,
Хвала и слава Богу!

Старинный друг,
Чуть старше вы,
И показались старше
Из мрамора седые львы
В прихожей тихой вашей.

Не жду ответный комплимент.
Мне не идет убранство лент,
Я в нем не стала краше.

Таков обычай наших встреч,
И неизменна эта речь,
Что служит эпилогом
К гашению гадальных свеч
И ливня за порогом.

Неглинная полупуста.
Спускаюсь с ветхого моста,
В размытой вязну глине
И думаю,
Что неспроста
Гончар с гончарного поста
Не смог уйти доньше.

1979-2011
Филадельфия

